

святыхъ святѣйшее Слово, но не возгнушался пребывать съ грѣшниками мытарями и блудницами (Матѳ. 9, 10, 11). О! сколько любви, сколько неизяснимой снисходительности явилъ къ намъ Господь! Какимъ гласомъ мы воспоемъ Ему, возвеличимъ и прославимъ Его? Какимъ чувствомъ возблагодаримъ Его? Какой умъ, неосвященный особеннымъ благодатнымъ свѣтомъ, можетъ сложить пѣсни для изображенія Его неизглаголанной любви къ намъ? Мы ли грѣшныя можемъ сложить пѣснь къ прославленію милосердаго къ намъ Господа Иисуса Христа? Нѣтъ, мы лучше будемъ со вниманіемъ слушать и изучать пѣсни сложенныя богодухновенными отцами церкви, станемъ усвоить ихъ себѣ умомъ и сердцемъ, станемъ чаще услаждаться ими въ храмѣ и дома въ своихъ семьяхъ! Апостолъ повѣлываетъ христіанамъ: «Исполняйте Духомъ, назидавая самихъ себя псалмами и славословіями, и пѣснопѣвными духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу (Еф. 5, 18, 19). Аминь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей *Николай Русановъ*.

II.

Къ вопросу о воспитаніи русскаго народнаго характера. *)

Давно подмѣчена еще нашимъ древнимъ лѣтописцемъ, если не св. княземъ Владиміромъ, наклонность русскаго народа къ пьянству. Что сказать объ этой наклонности, кромѣ того, что она очень дурна и пагубна. Въ этомъ отношеніи и здравый разумъ, и исторія, и слово Божіе вполне согласны. Споры немислимы. Нужно, только, какъ говорятъ, признать самый фактъ существованія этой наклонности въ русскомъ народѣ и по сіе время. А этотъ фактъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Правда, нѣкоторые писатели увѣряютъ насъ, что русскій народъ въ этомъ отношеніи не хуже другихъ народовъ; статистика доказываетъ, что въ Россіи употребляется спиртныхъ напитковъ не болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но можно ли довѣрять этой статистикѣ, когда фактъ предъ глазами у всѣхъ на лицо? Да и можно ли извинять какія бы то ни было дурныя привычки народа тѣмъ, что такія же привычки есть и у другихъ народовъ? Ясное дѣло, что нельзя. Вотъ, такимъ образомъ, черта въ народномъ характерѣ, требующая искорененія. А вотъ и еще примѣръ. Весьмъ извѣстна привычка русскаго народа къ сквернословію. Слово Божіе, учащее насъ обузданію языка и запрещающее произносить не только гнилыя, но и праздыя слова, строго осуждаетъ эту привычку. Здравый смыслъ требуетъ только небольшого напряженія, чтобы признать эту привычку далеко

не безразличною, весьма пагубною и зловредною. Достаточно указать на то, какъ и указываютъ, что наши дѣти, благодаря именно этой дурной привычкѣ русскаго народа, съ самыхъ раннихъ лѣтъ знакомятся съ такими мерзостями, о которыхъ «срамно есть и глаголати». А кто въ состояніи измѣрить всю ширину и глубину нравственнаго и общественнаго зла, которое вытекаетъ отсюда? Да, зло громадное. Нужна, значитъ, борьба съ нимъ. Но возможно ли надѣяться на успѣхъ, когда русская церковь тысячу лѣтъ почти борется съ этимъ зломъ и почти безуспѣшно? Можно, кажется, прійти въ отчаяніе, когда, напр., слышишь сквернословіе не только на дорогахъ, площадяхъ и улицахъ, а даже въ тѣхъ домахъ русскаго престоноародья, гдѣ на стѣнахъ красуются на ряду съ картинами Страшнаго Суда Божія печатныя поученія противъ сквернословія и т. п. Намъ думается, что успѣхъ въ борьбѣ возможенъ только тогда, когда на помощь церкви придетъ гражданское правительство, какъ это не разъ бывало въ нашей исторіи и прежде. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не наложить соответствующую злу кару по крайней мѣрѣ за публичное сквернословіе? Прекрасное дѣло—мѣры гуманныя, мѣры убѣжденія; но что дѣлать, когда онѣ не дѣйствуютъ? Кому неизвѣстно, что при лѣченіи больныхъ, когда не дѣйствуютъ слабыя лѣкарства, употребляютъ лѣкарства болѣе сильныя, а иногда прибѣгаютъ и къ кровавымъ операціямъ? *)

Давно подмѣчена также въ русскомъ человѣкѣ наклонность къ лѣни и недостатокъ дѣятельнаго трудолюбія. Еще про древнихъ своихъ богатырей русскій народъ, съ далеко непохвальнымъ восторгомъ, говоритъ, что они сиднями сидятъ по десяткамъ лѣтъ. Этому нисколько не противорѣчитъ другая, также давно подмѣченная, черта въ его характерѣ, именно выносливость и терпѣніе. Трудолюбіе и терпѣніе, это—такія качества, которыя иногда сливаются до безразличія, но иногда расходятся до прямой противоположности, какъ это и бываетъ въ русскомъ народѣ. Пояснимъ это примѣромъ. Человѣкъ, который испытываетъ крайнюю матеріальную нужду и переноситъ ее совершенно равнодушно, безспорно, обнаруживаетъ выносливость и терпѣніе, но обнаруживаетъ ли онъ трудолюбіе, если иногда онъ и пальцемъ не хочетъ двинуть для того, чтобы сбросить съ себя иго гнетущей бѣдности? Конечно нѣтъ. А такъ и бываетъ часто съ русскимъ человѣкомъ. Особенно недостаетъ у него настойчивости и дѣятельнаго трудолюбія для преслѣдованія и достиженія цѣлей и ближайшихъ, но болѣе или менѣе отдаленныхъ и въ тоже время весьма важныхъ, гдѣ осо-

*) Конечно, такъ. Но это одна сторона дѣла. Самую серьезную помощь церкви можетъ оказать школа христіанская, и только она одна. Почему не дѣйствуютъ мѣры гуманныя, мѣры убѣжденія?—Потому, что человѣкъ не воспитанъ такъ, чтобы воспринимать эти мѣры. Нужно воспитаніе, и прежде всего школьное воспитаніе и обученіе народа, и тогда мѣры гуманныя будутъ дѣйствительныя. *Ред.*

*) Окончаніе, см. № 9 „Сарат. Дух. Вѣ.“

бенно требуется, какъ говорятъ, трудъ систематическій. Кому неизвѣстна привычка русскаго человѣка рассчитывать на «авось» и на «какънибудь»? Кому неизвѣстно, что заповѣдь Спасителя, запрещающая христіанину излишнія заботы о завтрашнемъ днѣ, русскій народъ понимаетъ слишкомъ буквально! Что сказать объ этой чертѣ народнаго характера? Черта, безспорно, очень нехорошая и по суду здраваго смысла и по суду слова Божія, которое давно уже отсылаетъ лѣнливыхъ къ муравью и пчелѣ для уроковъ трудолюбія. А исторія указываетъ и вредныя послѣдствія ея въ низкомъ уровнѣ народнаго благосостоянія, который, между прочимъ, давно уже объясняется тѣмъ, что во главѣ многихъ нашихъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій стояли и стоятъ гораздо болѣе насъ трудолюбивые и предпримчивые иностранцы. Искоренить эту черту въ народномъ характерѣ—дѣло, безспорно, весьма трудное, но тѣмъ не менѣе и весьма важное, ибо съ этимъ тѣсно связано народное благосостояніе и даже нравственное его преуспѣяніе.

Мы могли бы привести и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Могли бы указать, напр., на замѣтное равнодушіе русскаго человѣка къ общественнымъ дѣламъ и къ общественному благу,—что, особенно, сказалось въ равнодушномъ отношеніи русскаго народа къ печальнымъ ударамъ послѣдней войны. къ учрежденію Государственной Думы и другимъ самымъ «животрепещущимъ» современнымъ вопросамъ,—на привычку русскихъ людей ограничиваться въ исполненіи своихъ религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ обязанностей одною внѣшнею формальностью и обрядностью, на уживчивость русскаго человѣка среди не только скромной, но и грязной до циничности обстановки и т. п., но спѣшимъ закончить и безъ того разросшуюся до цѣлой статьи свою замѣтку.

Припомнимъ въ заключеніе, что мы переживаемъ такую эпоху, когда, какъ надобно думать, на воспитаніе русскаго народнаго характера будетъ обращено Правительствомъ серіозное вниманіе. Пожелаемъ, чтобы было обращено вниманіе, по возможности, на всѣ стороны народнаго характера, а не на нѣкоторыя только, хотя бы и важнѣйшія и выдающіяся черты его, такъ какъ только широкая и многосторонняя дѣятельность приноситъ, обыкновенно, и исполнѣннѣе благое плоды.

Пр. Г. М.

По объявленіи Манифеста 6 августа 1905 г.

Слава и благодареніе Всевышнему Богу, во Св. Троицѣ поклоняемому! Онъ, Всеблагій Владыка и Творецъ неба и земли, вложилъ въ сердце Помазанника Своего, Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Ни-

колая Александровича, всемілостивѣйшимъ манифестомъ 6 августа сего, призвать довѣренныхъ отъ всея Русской земли людей, представителей народа, раздѣлять съ Нимъ, Единодержавнымъ Избранникомъ Божиимъ, заботы и труды о благоустройствѣ дорогаго нашего отечества, установленіемъ Государственной Думы.

Наше дорогае отечество съ установленіемъ, по волѣ Нашего Дорогаго Государя, Государственной Думы, вступаетъ на новый путь своего совершенствованія и величія.

Вполнѣ основательная есть надежда, что Народное Представительство, при своемъ спокойномъ, разумно тактичномъ, въ духѣ кореннаго русскаго народа, веденіи обще-государственнаго дѣла, въ полномъ согласіи и подчиненіи Самодержавной верховной Власти, будетъ самою благонадежною формою правленія столь великимъ государствомъ, какъ наше.

Было время, когда самовласть властителей, особенно восточныхъ, не имѣла границъ и законовъ; повелитель ничѣмъ не стѣснялся; самъ себѣ былъ законъ; все же прочее безпрекословно ему подчинялось, какъ богу. Да иначе, пожалуй, и не могло быть. Народъ тогда былъ очень грубый и неразвитый; никакія разумныя убѣжденія, тѣмъ менѣе нравственныя вліянія не могли на него дѣйствовать; покорялся онъ только слѣпой физической силѣ и страху налагаемыхъ закономъ наказаній. Когда же люди стали болѣе и болѣе умственно и нравственно развиваться, повелители народные, стоя во главѣ народовъ, стали мало по малу и сами добровольно подчиняться издаваемымъ ими законамъ, въ примѣръ и поощреніе своимъ подданнымъ.

Повиновеніе царской власти людьми, отзывчивыми къ нравственному добру, стало практиковаться не за страхъ токмо, но и за совѣсть, по ученію Ап. Павла. Неограниченный деспотизмъ восточныхъ повелителей сталъ замѣняться властію, утверждающею собственно на законахъ, а не на своеволіи, властію хотя на первый разъ хотя и самостоятельнаго, самодержавнаго, но всегда и во всемъ прислушивающагося къ потребностямъ и желаніямъ народнымъ, Цари стали совѣщаться съ народными избранниками, если не самимъ народомъ избираемыми, то самими царями.

У насъ на Руси съ древнихъ поръ, при великихъ князьяхъ были совѣтники, «думные люди», съ которыми цари и князья совѣщались объ устройствѣ государства. Эти «думные люди», впоследствии замѣненные министрами и совѣтниками, сперва очень близко стояли къ народу, жили духомъ своего народа и понимали очень хорошо нужды народныя. Когда же, не въ мѣру, безъ разбору стали увлекаться иноземщиной, позабывая коренное свое русское, наши вельможи, ставшіе близко къ Царю,